

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ю.А. Кимелев, докт. филос. наук, гл. н. с. ИНИОН РАН*

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Философия социальных наук — это раздел философии, в котором тематизируются и исследуются отношения между философией и социальными науками. Основными функциями философии социальных наук является разработка социальной онтологии, методологии социальных наук и метатеории социальных наук.

Ключевые слова: философия социальных наук, функции философии социальных наук, социальная онтология, методология социальных наук, метатеория социальных наук.

Philosophy of social science is a branch of philosophy where relations between philosophy and social sciences are traced and investigated. The main functions of philosophy of social science are: to work out social ontology, methodology and metatheory of social science.

Key words: philosophy of social science, functions of philosophy of social science, social ontology, methodology of social sciences, metatheory of social sciences.

Философия социальных наук в самом общем виде — это проблематизация и исследование отношений между философией и социальными науками.

Это принятое обозначение имеет широкое применение, поскольку философия социальных наук может выступать и в форме относительно автономной философской дисциплины, и в форме разработок соответствующей проблематики в контексте разнообразных по своей дисциплинарной принадлежности философских концепций, и в форме определенных сегментов или аспектов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках.

Таким образом, говоря о философии социальных наук, мы имеем дело и с философскими построениями в общепринятом смысле слова, и с определенными концептуализациями в рамках социальных наук. Такие концептуализации правомерно отнести к философии социальных наук, если они решают задачи, фактически отно-

* Кимелев Юрий Анатольевич, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

** Полякова Наталья Львовна, e-mail: theory@socio.msu.ru

сящиеся к ее сфере и по содержанию, и по уровню всеобщности рассмотрения.

В целях социально-научного познания возможно выделение нескольких основных форм использования философии. Такие формы правомерно также квалифицировать как базовые задачи философии социальных наук. Эти задачи задают главные направления работы современной философии социальных наук.

Первый блок задач можно определить как “онтологический”, второй включает различные варианты использования философии социальных наук в методологических целях, а третий — это собственно метатеоретическое исследование социально-научных теорий, в процессе которого философия социальных наук фактически осуществляет функцию философии науки или теории науки применительно к сфере социально-научного познания.

К объектной области философии социальных наук относятся, таким образом, усилия, направленные на то, чтобы прояснить общий характер социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории и установить, какие категории феноменов наличествуют нередуцируемым образом в социальном мире (“блок онтологических задач”). Другой блок задач ориентирован на то, чтобы определить, какой метод позволяет наиболее адекватным образом постичь функционирование социального мира. Третий ориентирован на решение комплекса метатеоретических проблем социально-научного знания, связанных с традиционным для теории науки стремлением установить статус теоретических построений социально-научного знания, прояснить, что обеспечивает и гарантирует правомочность притязаний на теоретическое знание об исследуемом социальном мире.

Каждая из этих проблемных областей многообразно пересекается с определенными разделами философии и соответствующими философскими дисциплинами. К примеру, то, что принято называть “онтологией социальных наук”, задачей которой является общее “онтологическое” определение предметной сферы социальных наук, не может не взаимодействовать с философской онтологией вообще. Проблематика социальной агентности оказывается связанной в современной философии с философско-антропологической проблематикой, в том числе, к примеру, с проблематикой философии сознания и т.п. Вопросы метода сопрягаются с целым рядом компонентов философской эпистемологии. В целом речь идет о том, чтобы рассмотреть результаты работы различных разделов философии в совершенно определенной перспективе — перспективе выявления и осмысления тех компонентов этих результатов, которые могут быть использованы в целях социально-научного познания.

Философия социальных наук фактически берет на себя “посреднические” функции в отношениях между философией и социальными науками. Она как бы “разворачивает” различные разделы и дисциплины философии в сторону последних. Разнообразные философские разработки рассматриваются в перспективе возможностей их использования в целях социально-научного познания, наделяются инструментальной функцией в отношении социальных наук.

Мы определили основные задачи и соответственно функции философии социальных наук — онтологическую, методологическую и метатеоретическую. Встает вопрос о связи между ними. При попытке установить такую связь мы будем ориентироваться в первую очередь на “онтологию социального”.

Подчеркнем, что философские концептуализации социальной реальности осуществляются и функционируют и вне контекста социальных наук или без соотнесения с ними. Такие концептуализации относятся к философии социальных наук в том случае, если они тематизируются как “онтология социального для социальных наук”.

В связи с этим особого внимания заслуживает отношение между философией социальных наук и социальной философией. Философия социальных наук, так же как и социальная философия, осуществляет концептуализации социальной реальности. В первую очередь это относится к концептуализациям онтологического порядка — общей характеристике социальной реальности, проблематике агентности. В такой объектной направленности философия социальных наук и социальная философия совпадают. Различие заключается в том, что первая осуществляет свои объектные концептуализации с учетом того, что речь идет об общем философском определении предметной сферы социальных наук. Социальная философия, естественно, работает безотносительно к тому, будут ли ее концептуализации тематизированы как предметная сфера социально-научного познания.

Вместе с тем если такая тематизация может быть реализована или тем более реализуется, то налицо совпадение обеих философских дисциплин. Точнее будет сказать, что социальная философия выступает в функции философии социальных наук. Фактически это подтверждает сказанное выше о том, что философия социальных наук не обязательно должна носить форму только автономной философской дисциплины с таким названием.

Связь между онтологией социальных наук и “рассуждением о методе” проявляется в силу всегда наличной принципиальной корреляции между исследуемым объектом и исследовательской стратегией, которая реализуется в том числе и в используемом ме-

тодическом оснащении. Соответственно онтологически постулируемый общий характер социальной реальности задает некоторую общую рамку методологических построений. К примеру, если социальная реальность представляет собой когерентную или тем более систематическую целостность, то и теоретическое постижение этой реальности будет носить, скорее всего, холистский характер с использованием, в частности, дедуктивных объяснительных методов. Если же социальная реальность конституируется, причем, как иногда полагается, относительно свободным образом, то ее постижение будет носить индивидуалистский и индивидуалистско-групповой характер, появляются те или иные формы методологического индивидуализма.

Мы представили корреляцию между онтологией и методом в философии социальных наук в предельно схематизированном виде. В реальной исследовательской практике отношения между эксплицитными или имплицитными онтологическими полаганиями, с одной стороны, и собственно методико-исследовательскими процедурами, с другой стороны, носят гораздо более дифференцированный и сложный характер. Такая сложность исследовательской практики находит отражение и в том, каким образом философские размышления получают конкретизацию в дисциплинарных методологических разработках. Так, подход к объяснению, известный как “модель покрывающего закона”, а правило его применения известно как “гипотетико-дедуктивный метод”, стал объектом интенсивной разработки и осмысления как часть методологии исторического познания.

Вопросы, рассматриваемые философией социальных наук в ее метатеоретической функции, во многих отношениях совпадают и соответственно могут быть отнесены к области философии или теории науки, разумеется, прежде всего к той ее части, что связана с социально-научным познанием. Связь между социальной онтологией и метатеоретической функцией философии социальных наук проявляется прежде всего в устремлении к экспликации онтологических предпосылок социально-научных теорий.

Проблематика философии социальных наук как проблематика отношений между философией и социальными науками имеет весьма давнюю историю. Однако поскольку данная работа ориентирована на анализ нынешнего состояния философии социальных наук, то неизбежно в фокусе внимания должна оказаться философская традиция, наиболее влиятельная в настоящее время. Соответственно большинство рассматриваемых в статье позиций относится именно к традиции аналитической философии. Кроме этого “внутрифилософского” обстоятельства отметим другое — в настоящее время социальные науки, прежде всего в их теорети-

ческом компоненте, интенсивнее всего разрабатываются в одном культурном и университетско-институциональном пространстве с аналитической философией.

Социальная онтология и как автономная философская теория, и как важнейший сегмент философии социальных наук стремится решить несколько онтологических задач. Укажем важнейшие из них. Первая задача — попытаться ответить на вопрос о возникновении, оформлении социальной реальности в единой реальности, соответственно ответить на вопрос о месте социальной реальности в единой реальности. Она решается через соотнесение с природной реальностью и антропологической реальностью. Подходы к решению этой задачи определяются общей философской позицией — онтологической схемой, эпистемологическими воззрениями, пониманием философско-антропологической проблематики.

Вторая задача — постичь фундаментальное строение социальной реальности, определить ее базисные элементы (которые могут постулироваться как объектный ориентир социально-научного познания). В качестве элементов фундаментального строения полагаются чаще всего институциональные структуры и человеческая агентность, индивидуальная и коллективная, как способность человека создавать, поддерживать и изменять институциональные структуры.

Таким образом, решение задачи через определение фундаментального строения социальной реальности создает условия для решения третьей задачи социальной онтологии — указать главные источники социального изменения.

Современная онтология стремится тематизировать временное измерение постигаемых реальностей, объяснить механизмы изменчивости и изменения этих реальностей. Тем более такая задача стоит перед социальной онтологией.

Социальная онтология разрабатывается в современной философии как относительно автономный раздел онтолого-метафизической проблематики без эксплицитного соотнесения с социальными и гуманитарными науками. В то же время онтологические концептуализации социальной реальности объективно тематизируют предметную область социальных наук и объективно представляют собой наиболее общие предпосылки исследовательской практики социальных наук.

В такой ситуации философско-онтологические концептуализации социальной реальности выступают в качестве онтологического сегмента того, что принято называть “философией социальных наук”. Разумеется, философско-онтологические концептуализации социальной реальности могут не только спонтанно-объективно служить социальным наукам, но и осознанным образом ориенти-

роваться на тематизацию предметной сферы социальных наук, могут выполнять инструментальную функцию по отношению к социальным наукам. “Разворот” таких концепций в сторону социальных наук, сочленение или интеграция в социально-научное познание осуществляются либо внутри самих социально-онтологических теорий, либо извне.

Онтологические теории социальной реальности могут выполнять целый ряд функций в отношении социальных наук. Они способны выступать как общая интерпретационная или объяснительная рамка социально-научных исследований; служить основой систематизации внутри той или иной социально-научной дисциплины или даже междисциплинарной систематизации. Эти функции философии социальных наук предполагают ту, что можно считать основной, — функцию общего определения исследовательского поля для социальных наук.

Итак, во всякой онтологии социального первостепенное значение имеют вопросы о месте социальной реальности в единой реальности или вопросы о конституировании социальной реальности в рамках единой реальности. Эти вопросы предполагают общую онтологическую схематику.

Так, Ингвар Йогансон утверждает: “Важнейшая онтологическая проблема сегодня — как разместить общество в природе”¹. Решение этой проблемы возможно в рамках разработки “когерентной системы всех наиболее абстрактных категорий”, нужных для истинного описания мира. Для лучшего понимания природы, человека и общества, а особенно отношений между ними, следует пересмотреть наши самые базисные категории. Более того, “созрело время не только для модификации или возврата к какой-то категории, но и для создания новой категориальной системы”.

Совокупность категорий должна образовать “онтологическую систему”. При разработке такой системы основная трудность заключается в объединении концептуализации природы, отождествляющей ее с “мертвой” материей, с идеей о том, что некоторые понятия, не соотносящиеся с понимаемой таким образом природой, например понятия “действия” и “интенции”, все же соотносятся с чем-то, что обладает реальным существованием.

Разграничение между природой, человеком и обществом может быть осуществлено с помощью категории интенциональности. Соответственно природа тождественна с не-интенциональной частью реальности, а наиболее важной для понимания человека категорией является категория интенциональности. Категория интенциональности является ключевой и для понимания общества. Ведь че-

¹ Johansson I. *Ontological investigations*. L.; N.Y., 1989. P. 37.

ловек и общество немислимы друг без друга. «Существует только один способ объединить индивидов и общество, — резюмирует И. Иогансон, — сделать это можно с помощью категории интенциональности, а также различных типов “угнездившейся” интенциональности»².

“Угнездившаяся” интенциональность означает нерасторжимую связь в человеке между телом и интенциональностью, между биологической природой человека и его социальной природой. Материальное и интенциональное вообще сплетены воедино. Категория “интенциональность” при всем своем фундаментальном значении для существования человека и общества не должна пониматься идеалистически. Соответственно вся система онтологических категорий призвана воплощать и выражать “не-редуктивный материализм”. Единая реальность при ее концептуализации в свете “не-редуктивного материализма” включает “природную материю” и “общественную материю”, природу и общество.

Представленная здесь концепция И. Иогансона выделяется полнотой разработки онтологической проблематики, как она представлена в современной аналитической философии. Мы ограничились реконструкцией тех моментов этой концепции, которые имеют непосредственное отношение к социальной онтологии.

Усиление внимания к проблематике социальной онтологии в последнее время связано во многом и с проектом Джона Сёрла по разработке “общей теории социальной онтологии”. Дж. Сёрл считает, что есть нужда в новой области философии, которую можно было бы назвать “философией общества”, подобно тому как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др. изобрели философию языка в конце XIX — начале XX в.³

Дж. Сёрл исходит из того, что поскольку мы живем в одном мире, то должны быть в состоянии точно объяснить, как различные части относятся друг к другу в когерентном целом. В своих работах Дж. Сёрл стремится объяснить, каким образом функционируют ментальность (mind), язык и социальная реальность и каким образом они образуют когерентное целое. Следует показать, что мы живем в одном мире, а не в двух или трех — физическом, ментальном и культурном.

Реальность состоит из физических частиц и силовых полей. Частицы обычно организуются в более крупные системы. На нашей планете некоторые системы представляют собой живые системы, являющиеся членами видов, которые возникли в долговременном

² Ibid. P. 314.

³ Searle J.R. Mind, language and society. L., 1999; *Idem*. Making the social world. N.Y., 2010.

эволюционном процессе. Некоторые из таких живых систем являются животными, а некоторые животные обладают нервными системами, способными порождать и поддерживать сознание. Обычно обладающие сознанием животные обладают и интенциональностью.

Вид, члены которого способны к обладанию сознанием и интенциональностью, может продвинуться к коллективной интенциональности. С приобретением коллективной интенциональности вид автоматически приобретает “социальные факты” и социальную реальность.

Человеческое общество как общество, отличающееся от других животных обществ, базируется на некоторых весьма простых принципах. Более того, институциональные структуры базируются, если быть точным, на одном принципе. В высшей степени сложные образования человеческого общества — это различные поверхностные манифестации чего-то общего, лежащего в их основе. Речь идет о поиске единого механизма продуцирования институциональных фактов. Мы используем один формальный лингвистический механизм. Он применяется вновь и вновь с различным содержанием. Все человеческие социальные институты начинают существовать и сохраняют свое существование посредством одной логико-лингвистической операции, которую можно применять повторно сколько угодно. Язык конституирует институциональную реальность, и все человеческие институты являются по существу лингвистическими. Отметим, что практически вся социально-онтологическая концепция Дж. Сёрла представляет собой развернутую экспликацию этого базисного тезиса.

Все институциональные факты и поэтому все статусные функции создаются речевыми актами. Декларативные речевые акты изменяют мир, декларируя, что какое-то положение дел существует, и тем самым вызывает это состояние дел к существованию. За исключением самого языка, вся институциональная реальность и в известном смысле вся цивилизация создаются речевыми актами.

Есть регулятивные правила (делай то-то) и конститутивные. Конститутивные — “X считается Y в контексте C”. Статусные функции вызываются к существованию посредством конститутивных правил. Это же правило относится к самому фундаментальному институту из всех — языку. Институт — это система конститутивных правил, и такая система автоматически создает возможность институциональных фактов.

Статусные функции, существующие в силу коллективной интенциональности, обладают “деонтическими силами”. Они несут права, обязательства и т.п. Деонтические силы обладают уникальным свойством, вероятно неизвестным в животном царстве: как только они получают признание, они начинают снабжать нас при-

чинами действовать, которые независимы от наших склонностей и желаний. Статусные функции — клей, скрепляющий общество. Они создаются коллективной интенциональностью и функционируют, неся деонтические силы.

Социальная и институциональная реальность является объективной реальностью только потому, что мы считаем ее таковой. Коллективное наделение статусными функциями правительств, денег, национальных государств, университетов и т.д., а главное, долгосрочное принятие и признание этих статусных функций за всеми этими институтами заставляют их казаться столь же прочными, как скалы.

Как только происходит отказ от коллективного принятия, институты могут претерпеть неожиданный и даже мгновенный коллапс. Пока же институты как социально созданные механизмы существуют, они обладают каузальной силой, что может служить самым общим объяснением социальной реальности.

Если попытаться сжато реконструировать основной теоретический ход Дж. Сёрла при разработке “онтологии социального и институционального”, то его можно представить в следующем виде. Существование социальной институциональной реальности связано с тремя факторами — коллективной интенциональностью, наделением чего-либо какой-то функцией и конституирующими правилами. Соответственно факторами, выраженными этими понятиями, возможно, по мнению Дж. Сёрла, объяснить “всякую институциональную реальность”.

Социально-онтологическая проблематика в философии предстает не только как проблематика возникновения и конституирования, но и как проблематика фундаментального строения и функционирования социальной реальности. В настоящее время рассмотрение этой проблематики осуществляется чаще всего через полагание в качестве базисных структурных элементов институциональных структур и агентности человека, т.е. его способности к социальному действию, а также через определение отношений между такими базисными элементами. Анализ отношений между социальными структурами и социальной агентностью, индивидуальной и коллективной, осуществляемый на весьма абстрактном уровне, есть продолжение онтологического анализа социальной реальности. Неслучайно, в частности, что, как мы видели, именно интенциональность, индивидуальная и коллективная, находится в фокусе внимания при разработке социально-онтологической проблематики.

В социально-онтологической перспективе в центре внимания неизбежно должен находиться человек как создатель и ключевое функциональное звено социальной реальности как таковой. Дву-

стороннее отношение между социальным действием и социальной структурой — это всегда процессуальное отношение, означающее динамичное и взаимообуславливающее взаимодействие сторон отношения.

Разработка проблематики отношений между институциональными структурами и агентностью в философии являет определенную специфику по отношению к социально-научному, прежде всего теоретико-социологическому, подходу к этой проблематике. Если говорить очень коротко, специфика эта связана с более дифференцированным вниманием к *субъектности*.

В истории философии представлен весьма широкий спектр концептуализаций отношения социального агента с социально-историческими структурами. Полюсами этого спектра можно считать утверждение о свободной конститутивно-созидательной функции по отношению к социально-историческим структурам, с одной стороны, и утверждение о полном подчинении им — с другой. В современной философии воспроизводятся основные позиции указанного спектра. Конечно, они представлены новыми концептуализациями.

В настоящее время при рассмотрении агентности агентность как способность просто поддерживать и воспроизводить институциональные структуры в качестве основы социального порядка не находится в центре внимания. В конце концов, весь исторический опыт человечества так или иначе свидетельствует о такой способности. В новейшей философской литературе обсуждаются в основном вопросы о способности или неспособности человека к свободному самоопределению в своем социальном действии и существовании. В таком своем качестве, в своей волевой и целеполагающей природе агентность противопоставляется социально-теоретическим позициям, утверждающим примат факторов, принципиальным образом ограничивающих или детерминирующих человеческое действие.

Таким образом, речь идет прежде всего о социальной агентности как о способности человека создавать и изменять социальный порядок, в том числе базовые институциональные структуры. Индивид как агент предстает в качестве создателя социального порядка, а в философии истории — и в качестве создателя истории.

Такая теоретическая позиция может получать полноту и завершенность, если агентность человека понимается как потенциал человека конституировать свою социально-историческую жизнь *сознательно проектируемым и направляемым образом*. Агентность становится субъектностью в полном смысле, социальное действие приобретает характер сознательной социальной субъектности. Такая субъектность может и должна получать коллективное проявление,

становясь интерсубъективностью соответствующего порядка. Представленную здесь позицию можно считать последовательной субъектной формой социальной агентности.

В целом такая идея социального субъекта предполагает социальную зрелость индивидов, их свободную самореализацию, а также формирование разумных общественных отношений и как продукта действующих зрелым образом людей, и как предпосылки осуществления собственного права и воли человека.

Субъект как ответственный агент предстает и как наделенный определенной устойчивой самопреемственностью, принимающий взвешенные и обдуманые решения. Эти решения должны быть ориентиром и целью действий, а сами действия в своей совокупности должны служить реализации определенного проекта, задающего смысл практической жизни. В идеале жизненный проект призван стать средством реализации определенной идеи. Речь идет об идее как об организующем принципе, источнике энергии и мобилизации, ключе к интерпретации жизни и социальных отношений, видении мира, организации знания и жизненной практики. В общем это руководство, позволяющее ориентироваться в реальности и формировать ее.

Отметим следующее. Такая концептуализация социальной агентности как социальной субъектности еще только должна получить реальное воплощение. Первым условием созидания желательной социальной реальности должно стать прежде всего оформление интерсубъективного процесса, в котором индивидуальная субъектная агентность будет постоянно трансформироваться в коллективную агентность, в коллективную инстанцию конституирования желательной социальной реальности. Далее, для того чтобы социальная реальность стала благом, годным к использованию, стала способствующим выживанию и благосостоянию социальным миром, требуются свершения, направленные на его практическое изменение — техническое и морально-политическое. Благой мир должен быть еще создан посредством субъектных, точнее, интерсубъективных усилий всего общества. Так возникает представление об обществе, конституирующем и созидающем себя. А для реализации субъектно-интерсубъективного проекта лучшего, более человеческого общества требуется объемная социальная теория, способная указать объективные условия процессуального самопорождения общества.

В современной философии и социальной теории к такой “субъектной” модели социальной агентности наиболее близка социально-философская концепция Юргена Хабермаса. В соответствии с этой концепцией человеческий род как современное самоконституирующееся мировое общество рассматривает свои исторические пред-

посылки как материал, которым можно распоряжаться. При этом оно зависимо только от внешней природы и определяется природой человеческих потребностей, “организмом трудящегося человека”.

Проблематика исторического действия индивидуального исторического субъекта в современной социально-философской и философско-исторической мысли чаще всего моделируется в соотношении с практической и теоретической ситуацией, которая характеризуется как “модерн”. Соответственно эту проблематику применительно к современной теоретической ситуации можно определить как “модерн и субъект”.

Оформление “идеи субъекта” как субъекта социального действия было нерасторжимо связано с общим историческим процессом становления и утверждения модерна. Это нашло свое отражение в теоретической мысли эпохи модерна, в том числе в философии и социологии. Сама мысль модерна есть в той или иной форме размышление о социальном субъекте и субъективности.

В современных разработках, концентрирующихся на проблематике модерна, на передний план выходит индивидуальное социальное действие, а не действие человечества как родового субъекта. Индивид предстает как “субъект”, и анализ фокусируется — в интересующей нас перспективе — на выявлении потенциала социальной субъектности.

Понятно, что современные исследования “модерна”, “радикального модерна”, “постмодерна” сосредоточиваются в первую очередь на современной социальной ситуации, а соотношение с прошлым выполняет в основном инструментальную функцию по отношению к главному объекту исследования — современности. В этих концепциях, с одной стороны, теоретически фиксируются реальные условия существования субъекта эпохи модерна, а с другой — субъект эпохи модерна предстает как лишь отчасти реализованная возможность, как возможность, которая еще подлежит полной реализации.

Попытаемся реконструировать общее содержание различных современных концептуализаций “субъекта модерна”. Такие концептуализации могут быть ориентированы как на позитивную характеристику и осмысление субъекта модерна, так и на его критику и даже отрицание его социально-исторической действенности.

Обобщенная современная идеальная концептуализация “субъекта модерна” представляет индивида как наделенное уникальной идентичностью “Я”, неповторимое, уникальное существо, базисной целью которого является самореализация. Индивид способен быть сознательным субъектом социального и культурного процесса. Такой субъект руководствуется прежде всего разумом, именно разум является стержнем субъектной и субъективной самореали-

зации. Создание условий для самореализации такого индивидуально-автономного субъекта предстает как основная цель исторического и культурного процесса. Задача и смысл социальных институтов видятся в том, чтобы обеспечить условия такой самореализации для всех и каждого.

Главное заключается в следующем. Признание “субъекта модерна”, какие бы формы такое признание ни принимало, означает признание социальной агентности как субъектности, возможности контроля над социальным процессом.

В этом плане постмодерн означает водораздел в интерпретации и понимании исторического и социального субъекта. Как бы ни представляли себе так называемый постмодерн в будущем, он будет восприниматься как эпоха, которая считала возможным расстаться с понятием субъекта в его традиционалистском или модерновом формате.

Традиционные философские воззрения на субъекта и субъективность подверглись критическому осмыслению в рамках структурализма, постструктурализма и постмодернизма. Субъект как рациональное, определяющее и контролирующее свою историческую ситуацию, вообще ситуацию своего существования существо — вот та теоретическая и идеолого-мировоззренческая модель, которая была провозглашена несостоятельной.

В перспективе постструктуралистов и постмодернистов субъект представляет собой фрагментированное существо, лишенное четко определяемой и устойчивой идентичности. Субъект — это процесс определенного рода, причем процесс в постоянном состоянии растворения, а не пребывающее во времени и сохраняющее свою уникальную определенность “Я”.

Постмодернизм рассматривает структуру “Я” как нечто размытое и расчлененное: с одной стороны — как фрагментированное опытом, а с другой — беспомощностью, которую индивиды испытывают перед лицом глобализирующих тенденций социальной и культурной жизни. Ежедневная жизнь формируется как результат вторжения символических систем, массовой культуры, конституирующих мир в моделях и символах, которые делают его абсолютно искусственным. Уже никто не апеллирует к “реальному” объекту, поскольку не делается различия между представлениями об объектах и самими объектами, в мире доминируют искусственные модели. Отношение с миром трансформируется фундаментальным образом, и именно потеря связи с реальным миром вызывает ощущение “пустоты” и “бессмысленности” жизни.

Соответствующая позиция обозначается и как “постгуманизм”. Эта позиция является, по существу, определенным моментом постмодернистских воззрений, поскольку предполагается, что ны-

нешняя эпоха — это и постгуманистическая эпоха. Постгуманизм направлен в основном против “проекта Просвещения”, если он рассматривается как потерпевший неудачу, а также против современного представления о субъекте, поскольку гуманизм представляет собой важнейший составной момент модерна.

Отметим, что рассуждения относительно “конца субъекта” образуют составную, причем весьма значительную часть, так называемой “культуры эндизма” (от англ. *end* — “конец, окончание”). Речь идет о совокупности определенных теорий, провозглашающих завершение исторического существования, соответственно исчерпание социальной и культурной действительности определенных явлений, таких, как история, субъект.

Провозглашение конца таких явлений призвано служить прежде всего целям эмансипации от устаревших, обременяющих и репрессивных идей и установок, в том числе и в практическом плане. (Наиболее ярким примером можно считать тезис о конце истории. Ведь этот тезис можно понимать и таким образом, что нынешнее или будущее социальное и культурное состояние означает конец присущего истории отчуждения.)

Вместе с тем “эндизм” не означает стремления к полному разрыву с прошлым или полного его забвения. Достаточно вспомнить в связи с этим неоднозначное отношение постмодернизма к “эндизму”. С одной стороны, постмодернисты разделяют представление об уникальном своеобразии нынешней эпохи, более того, они очевидным образом находятся в первых рядах тех, кто заявляет о том, что мы вступили в принципиально новое состояние. С другой стороны, постмодернистская культура в соответствии с программной установкой вправе широко использовать ресурсы культуры прошлого, и даже призвана это делать.

Реконструированные социально-онтологические модели агентности и субъектности в нынешних условиях целесообразно расширить за счет обращения к теме, в значительнейшей степени новой для философской рефлексии, в том числе для философской социальной онтологии — возможности изменять с помощью новейших научно-технологических средств саму биологическую природу человека со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. Если говорить коротко, речь идет об осмыслении характера и перспектив человеческого существования, которое не будет однозначно определяться биологической природой человека, обусловленной предшествующим эволюционным процессом, — осмыслении перспектив “постэволюционного существования”. Все это неизбежно затрагивает существенные моменты не только философско-антропологической проблематики, но и проблематики социальной онтологии, позволяет сформулировать целый ряд вопросов,

постановка которых была бы немыслима в другие эпохи. Возможно ли и желательно ли оставаться в рамках традиционных способов понимания понятия “человек”? Вероятно, целесообразно пересмотреть это понятие, унаследованное от либерального гуманизма, с тем чтобы создать новые формы этого понятия? Во что мы превращаемся? Кем и чем мы в действительности хотим быть? Какое общество желательно смоделировать, учитывая новые неслыханные возможности науки?

Практически все подходы философской социальной онтологии, как традиционные, так и новейшие, исходят из наличия такой биологической структуры, как “человек”. Эта структура допускает огромную вариативность, эволюционную изменчивость, однако остается устойчивой и во многих отношениях неизменной. Иными словами, человек как биологическое существо понимается как некая неснимаемая, говоря философским языком, “абсолютная” данность. Человек являет неслыханную пластичность в своем социальном и культурном творчестве, но создается все это многообразие на основе и в рамках определенной биологической структуры.

В современных концепциях “посторганического человека” социальная онтология предстает в увязке с демонстрацией способности человека посредством современной “технонауки” преобразовать и такое фундаментальное условие устройства социального бытия, как собственная органическая природа. Возможное “посторганическое”, “постэволюционное” существование может восприниматься и как совершенно определенное свидетельство социально-трансформационного потенциала человека. Это есть также ответ на ряд важнейших вопросов социальной онтологии.

Итак, мы реконструировали различные способы понимания и концептуализации социальной агентности. Они простираются от молчаливого, как бы самоочевидного признания способности человека поддерживать и воспроизводить существование базисных социальных институтов, социального порядка до признания полноценной социальной субъектности как потенциальной способности проектировать и созидать желательный благой социальный мир.

При этом в современной социальной онтологии не тематизируются какие-либо всеобщие принципы социально-конструктивной деятельности человека, укорененные в его природе или в каких-то внеположных человеку реальностях. Разумеется, предполагаются определенные ограничивающие эту деятельность моменты природно-физического и природно-биологического свойства. Однако главным фактором, ограничивающим и направляющим социально-созидательную деятельность, предстает сама эта деятельность, точнее, ее уже реализованное содержание в формах наличного социального порядка.

Вообще, мы вправе заключить, что при разработке социальной онтологии и в философии, и в социальных науках в настоящее время очевидно преобладает стремление к концептуализации социальной реальности как открытого, непредопределенного динамического процесса. Конечно, речь идет именно о социальной онтологии, т.е. каких-то “последних”, “базисных” свойствах социальной реальности.

С таким выводом относительно характера разработки социальной онтологии сочетается и другой вывод общего плана. Современные социально-онтологические концепции делают акцент на социально-созидательном потенциале человека. Это касается и генезиса социальной реальности, и вычленения базисных компонентов этой реальности, и указания на источники социальных трансформаций.

Философия социальных наук выступает не только в форме “онтологии социальных наук”, о различных вариантах которой шла речь выше. Философия социальных наук традиционно предстает и как философское размышление общего плана о наиболее адекватных методах теоретического познания социального мира.

С XVII в. предпринимаются усилия наделить социально-гуманитарное познание таким же надежным теоретико-методологическим обоснованием, каким обладало мощно утвердившееся новое естествознание. Разумеется, и в настоящее время ведется интенсивная работа в этом направлении как в философии, так и в различных социальных и гуманитарных науках.

В данной работе рассматриваются только некоторые наиболее общие проблемы методологии социально-научного познания. Это, по существу, философские проблемы. Мы исходим из посылки о том, что эти проблемы фактически образуют своего рода основу или каркас многообразных конкретных методов, используемых в социальных науках.

Такая проблематика носит более общий характер в сопоставлении с конкретными методами и методиками. Она присутствует в конкретных методах и методиках в качестве наиболее общих эксплицитных или имплицитных предпосылок. Эти фундаментальные предпосылки конкретных исследовательских методов, используемых социальными науками, можно считать “фоновым методологическим знанием”.

При рассмотрении философии социальных наук в ее методологической функции мы сосредоточим внимание на ряде философско-методологических проблем, фактически выполняющих роль основания для всего диверсифицированного комплекса методов различных социально-научных дисциплин. Подчеркнем, что об основании говорится не в смысле “основоположения”, на котором воздвигается строение конкретной методологии конкрет-

ных социальных наук. Речь идет о методологических проблемах, которые присутствуют и так или иначе обсуждаются в рамках всякой конкретно-дисциплинарной методологической саморефлексии. Вообще ни о какой иерархии, ни о какой-либо системности в отношениях между философией социальных наук и методологией конкретных социальных наук говорить не приходится.

Как уже отмечалось, философия социальных наук может фактически выступать не только в виде особой философской дисциплины, не только в форме эксплицитных философских рассуждений, но и в форме определенных компонентов объектно-исследовательских или методологических теорий в социальных науках, если эти теории содержат разработки философского характера. Конкретно речь идет о разработках высокого уровня обобщения и обладающих универсальной применимостью.

В этом плане, на наш взгляд, имеет смысл обратиться к методологической проблематике, например, исторической социологии. Дело в том, что эта проблематика фактически реализует указанную методологическую функцию философии социальных наук. Прежде всего это связано с универсалистскими притязаниями исторической социологии. Ведь ее предметной областью являются практически все исторически существовавшие общества. Кроме того, она неизбежно соотносится и с сегодняшней социально-исторической реальностью.

В методологических разработках, осуществленных в рамках исторической социологии, нашел отражение целый ряд важнейших по существу методологических проблем, имеющих отношение ко всему спектру социально-научного познания. Речь идет о методологическом осмыслении и ревизии такого ключевого социально-научного понятия, как "общество", о некоторых аспектах междисциплинарности, о соотношении между эмпирическим исследованием и теорией. Рассмотрение этих вопросов позволяет составить общее представление о характере методологической работы в современной философии социальных наук.

Современная историческая социология разрабатывается преимущественно в англоязычном мире, прежде всего в Великобритании и США. При всех различиях в понимании характера исторической социологии можно констатировать несомненное преобладание установки на разработку социологической теории исторической жизни человечества. Если говорить кратко, своеобразие исторической социологии заключается в исследовании долговременных процессов социального изменения и оформления крупномасштабных социальных структур. В предметную сферу исторической социологии могут входить также те или иные исторические эпохи или даже отдельные крупные события исторической жизни. Важ-

нейшим направлением исследовательской работы является историческая компаративистика. В этом историческая социология многообразно пересекается с компаративистской социологией, в методологическом плане в том числе.

Еще раз укажем на следующее обстоятельство. Философско-методологическое значение методологические проблемы и разработки исторической социологии приобретают в силу ее особенностей, в первую очередь вследствие специфики ее предметной сферы. Как уже отмечалось, речь идет о соотносительности этой предметной сферы с многообразием исторически существовавших обществ.

Универсальный характер предметной области исторической социологии обуславливает универсалистскую ориентацию ее методологического оснащения. Такая ориентация проявляется, в частности, в стремлении использовать такое понятие общества, которое было бы применимо к возможно большему числу исторически существовавших обществ. Подобное стремление ведет к пересмотру традиционного “ортодоксального” социально-научного понятия общества, так или иначе скоррелированного с национальным государством и обществом, которое такое государство “содержит”. Ревизия традиционного понятия общества влечет за собой и пересмотр целого ряда других теоретико-методологических позиций. Ведь, подчеркнем, объектная и методологическая ориентация на национальное общество и национальное государство привычно играет важнейшую роль в методологическом оснащении социальных наук.

Британский социолог Майкл Манн⁴ осуществил исследование предыстории человечества, перехода к цивилизации, истории ранних цивилизаций, исторического пути западной цивилизации, которое представляет собой один из крупнейших исследовательских проектов в области исторической социологии, современной социологической теории вообще.

Значимым методологическим содержанием концепции М. Манна следует считать и критическое размежевание с системной или унитарной концепцией общества, которую он квалифицирует как “социологическую ортодоксию”. М. Манн предпринимает попытку представить свое целостное видение “общества” и соотносить это видение с “теоретико-социологической ортодоксией”. Он заявляет о том, что намеревается руководствоваться “особым общим подходом к рассмотрению человеческих обществ, расходящимся с теми моделями общества, которые господствуют в социологии и в историографии”⁵.

⁴ *Mann M. Societies as organized power networks. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.*

⁵ *Ibid. P. 1.*

Подход М. Манна можно, по его собственным словам, резюмировать в двух утверждениях. Первое утверждение гласит: “Общества конституируются множеством накладывающихся друг на друга и пересекающихся социопространственных сетей власти”⁶. Смысл данного утверждения раскрывается прежде всего через указание на то, чем общества не являются. Общества не являются чем-то унитарным. Общества не представляют собой социальные системы (закрытые или открытые). Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет системы, нет тотальности, то не может быть “подсистем”, “измерений” или “уровней” у такой тотальности. Так как нет целого, то социальные отношения нельзя свести “в конечном счете” к какому-то системному свойству этого целого, будь то “способ материального производства”, “культурная” или “нормативная система”. В силу того что нет ограниченной тотальности, нет смысла делить изменения или конфликты на “эндогенные” и “экзогенные” разновидности. Не существует социальной системы, и потому нет внутренне присущего ей “эволюционного” процесса. Человечество не подразделяется на ограниченные тотальные образования, вследствие чего не существует “диффузии” форм социальной организации между подобными образованиями. Несуществующая тотальность не может быть социальной структурой, которая “как целое” ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно членение на “социальное действие” и “социальную структуру”.

Второе утверждение вытекает из первого. Самым лучшим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений “четырёх источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений”. Эти отношения представляют собой: 1) накладывающиеся друг на друга сети социальной интеракции, а не измерения, уровни или факторы какой-то единой социальной тотальности; 2) организации, институциональные средства достижения определенных человеческих целей.

Оценивая концепцию М. Манна в перспективе методологической проблематики, можно прежде всего констатировать, что им предложено предельно общее определение предметной сферы социологии, в том числе предметной сферы исторической социологии. Причем это определение фактически проверено и обосновано на обширнейшем историческом материале. Кроме того, следует указать и на значительное количество конкретных методологических рассуждений и замечаний, включенных в ткань исследования

⁶ Ibid.

очень обширного, как только что отмечалось, социально-исторического материала.

Историческая социология уже стала объектом интенсивного изучения. Особый массив образуют работы, ориентированные на методологическое осмысление исследовательской практики и впечатляющих теоретических достижений исторической социологии. При этом мы сосредоточим внимание в первую очередь на методологических разработках, осуществленных в рамках самой исторической социологии.

Важное место в рамках литературы, посвященной метатеоретическому изучению исторической социологии, по-прежнему занимает сборник работ, в которых исследуются методологические подходы, использованные в творчестве главных представителей исторической социологии, под редакцией Теды Скочпол. Т. Скочпол, как известно, сама является одним из главных представителей современной исторической социологии.

Т. Скочпол⁷ ратует за универсалистскую открытость исторической социологии, которая не является и не должна становиться только каким-то разделом социологии или какой-то самостоятельной академической специальностью. Подобная открытость должна проявляться как в выборе исследовательской тематики, так и в выборе методологии.

Т. Скочпол подчеркивает, что ошибочно жестко связывать историческую социологию с какой-то определенной теоретической, эпистемологической или методологической ориентацией. Более того, подобная попытка не соответствовала бы исследовательской практике в современной исторической социологии. Выбор исследовательской стратегии и методов должен быть делом выбора со стороны индивидуальных ученых или группы ученых. Они вправе выбирать любые понятия, теории, гипотезы, подходящие для решения их задач. Одним словом, в исторической социологии не должно быть механических рецептов, жестких методологических установок.

Вместе с тем, по мнению Т. Скочпол, можно набросать “карту альтернативных исследовательских стратегий”, которые использовались и, вероятно, будут использоваться в дальнейшем. В связи с этим она выделяет три основные стратегии, сочетающие исторически ориентированные исследования и социальную теорию, в первую очередь социологическую теорию.

Первая стратегия заключается в использовании одной теоретической модели в целях изучения одного или многих объектов, рас-

⁷ *Skocpol Th. Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Ed. by Th. Skocpol. N.Y., 1991. P. 356–391.*

смаатриваемых посредством этой модели. Другая стратегия, связанная со скептическим отношением к ценности общих моделей или каузальных гипотез, ориентирована на разработку того, что можно назвать осмысленными историческими интерпретациями. Еще одна стратегия состоит в применении различных, в том числе альтернативных, гипотез с целью выявить определенные каузальные закономерности, объясняющие те или иные исторические процессы или результаты этих процессов.

Исторической социологией проделана колоссальная работа, получены в высшей степени ценные теоретические результаты. Мы вправе утверждать, что уровень, разнообразие и результаты методологической саморефлексии исторической социологии в значительной мере соответствуют ее общим достижениям.

Философию социальных наук в ее метатеоретической функции можно возвести к шестой книге “Системы логики” Джона Стюарта Милля. Здесь предпринимается попытка предложить логико-эпистемологическое обоснование “моральных наук”.

В процессе все нарастающей дифференциации социальных наук на передний план выходили работы, посвященные разработке методологических и метатеоретических проблем отдельных социально-научных дисциплин. Чаще всего подобные работы создавались специалистами в этих дисциплинах. Вместе с тем задача разработки философии социальных наук как некоей общей метатеории по меньшей мере основных социальных наук никогда не снималась с повестки дня.

Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

Метатеоретические концепции преследуют цели прояснения процесса возникновения социально-научных теорий и анализа структуры готовых теорий, выявления критериев отнесения этих теорий к той или иной теоретической традиции или парадигме. Эти концепции базируются на различии между собственно метатеоретическими задачами и задачами теорий, сосредоточивающихся на исследовании тех или иных явлений социального мира. Философия социальных наук решает вопросы о науке, а не вопросы, возникающие *внутри* сферы науки. Ее вопросы — это вопросы “второго порядка”. Можно также считать, что перед нами — тео-

рия науки в строгом смысле в применении к социально-научному знанию.

И применительно к философии социальных наук в ее метатеоретической функции, так же как и применительно к другим ее функциям, можно говорить о том, что философия социальных наук выступает как в форме автономных философских рассуждений, так и в форме соответствующих тематических разработок в рамках конкретных социальных наук.

Итак, философия социальных наук в ее метатеоретической функции — это проблемный комплекс, связанный с анализом возникновения, оформления, структуры, функций и идеологических импликаций социологических теорий как готового продукта теоретико-исследовательской деятельности.

В современной литературе образцом метатеоретической концептуализации справедливо считается построение Джеффри Александера⁸. Наиболее важным метатеоретическим вопросом, полагает Дж. Александер, является вопрос о возникновении теории. “Реальный мир” накладывает жесткие ограничения на теоретизирование. В то же время теоретическое рассуждение обладает определенной автономией по отношению к реальному миру. Теории порождаются нефактуальными или неэмпирическими процессами, подчеркивает Дж. Александер, предшествующими научному контакту с миром, в такой же мере, как и структурой этого “реального мира”. К нефактуальным процессам относятся прежде всего такие явления, как “интеллектуальная социализация” и “спекулятивное воображение” ученого. В процессе конструирования научных теорий эти явления модифицируются реальным миром, но не устраняются до конца. Поэтому можно сделать вывод о “двустороннем отношении” между теориями и фактами.

Неэмпирическую часть науки следует считать ее “априорным элементом”. Носителем этого элемента, по мнению Дж. Александера, выступают традиции. Социология является эмпирической социальной наукой, связанной со строгим тестированием, с фактами, с дисциплиной доказательств и фальсификации. При всем том эти виды научной деятельности развертываются в рамках традиций, считающихся чем-то само собой разумеющимся, не подлежащим строго эмпирической оценке. Такие научные традиции образуют “базисные компоненты” социальной науки. Дж. Александер справедливо отмечает, что современные теоретические дискуссии как раз и вращаются вокруг них — вокруг различных концептуализаций базисных компонентов социальной науки.

Центральное место в концепции Дж. Александера занимает рассуждение о роли “предположений” как наиболее общих посылок

⁸ *Alexander J.C. Sociological theory since 1945. L., 1987.*

исследовательской практики и их значении в готовых теориях. “Уровень предположений” квалифицируется как набор общих представлений о природе социального действия и социального порядка, а также о характере отношений между ними.

Мы вправе констатировать, что фактически речь идет о базовых элементах социальной реальности, а их концептуализация, включая концептуализацию отношений между ними, есть, по существу, социально-онтологическая концептуализация. Для нас представляется важным сделать вывод о континуумности проблематики философии социальных наук в том плане, что во всех своих функциях и формах эта проблематика базируется на социальной онтологии.

Нетрудно заметить, что рассуждения Дж. Александера фактически воспроизводят повестку дня теории науки применительно к сфере социально-научного познания. Речь идет о процессах возникновения и оформления теорий, о выявлении структурных уровней, а также компонентов теории в виде используемых моделей. В концепции Дж. Александера мы видим и присущее постпозитивистской теории науки стремление определить принадлежность рассматриваемой теории к той или иной научной парадигме.

Метатеоретическое построение Дж. Александера базируется на анализе обычных исследовательских социологических теорий. Немецкий же социолог Андреас Балог⁹ делает предметом своих метатеоретических рассуждений сами метатеории. Речь идет о теориях, исследующих теории социологического знания, в противоположность теориям о социальных системах общества или о каких-то содержательных сферах, которые образуют предметную сферу социологических исследований. Такие метатеории в силу всеобщности своих притязаний находятся в конкуренции друг с другом.

Плюрализм подобных метатеорий не является чем-то новым. Классики различным образом определяли предметную сферу, форма объяснения ими увязывалась с “различными методическими идеалами”. Различными были и их представления относительно надлежащей формы объяснения, что также связано с “различными методическими идеалами”. Удивительно то, что дальнейшее развитие привело к еще большему увеличению и закреплению различий.

Ввиду указанных различий требуется, по мнению А. Балого, какая-то надстоящая общая точка зрения, делающая возможным сопоставительный анализ метатеорий. Наряду с классифицирующим подходом, размещающим различные отдельные подходы (например, марксизм, теория систем и символический интеракционизм), есть попытки выделять различные уровни обычных исследовательских теорий. Такие метатеоретические попытки у всех авторов де-

⁹ Balog A. Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Stuttgart, 2001.

монстрируют “сходную формально-иерархическую структуру”, даже если в содержательном отношении не имеется в виду одно и то же.

Какими могут быть критерии анализа “метатеоретического фона”? Трудность заключается в том, что последние метатеоретические послышки как основное содержание этого фона не могут подвергнуться проверке посредством эмпирического материала. Однако это обстоятельство не должно вести к признанию того, что указанные послышки следует просто принимать, как это утверждают приверженцы постмодернистской социологии.

А. Балог отстаивает альтернативную по отношению к только что описанной возможность “анализа и критики”. Он руководствуется тем, что теории социологического знания, или метатеории изначально направлены на то, чтобы ответить на определенные вопросы. Должна учитываться не только эксплицитная программа, но и результаты теоретических анализов.

Поскольку ответы могут оцениваться только с учетом вопросов, на которые они служат ответом, то реконструкция таких вопросов образует предпосылку оценки теорий. Следует рассмотреть ответы на четыре вопроса: 1) как осуществляется концептуализация социальных обстоятельств? 2) каковы принципы социологического объяснения? 3) как происходит объяснение социальной интеграции? 4) каковы критерии социологической критики общества?

А. Балог отмежевывается от стандартного подхода в метатеории социологического познания, высоким образцом которого он считает метатеоретическое построение Дж. Александера, реконструированное нами выше. Стандартный подход ориентирован на то, чтобы посредством метатеоретической рефлексии определить различные уровни той или иной общей социологической теории, упорядочить их иерархическим образом. Все это призвано отделить “априорные” элементы теории от тех данностей социальной реальности, которые становятся объектом исследования. А. Балог в своем подходе также стремится к отделению неэмпирического, заранее заданного содержания в теориях, занимающихся исследованием социальной реальности. Отличие его метатеоретического подхода от того, что он считает стандартным подходом, состоит, во-первых, в использовании метода вопроса и ответа и, во-вторых, в отказе от формальной иерархизации уровней в конкретной социологической теории.

Одним из “сквозных” тезисов данной работы служит утверждение о том, что философия социальных наук предстает и в форме автономных философских рассуждений соответствующей направленности, и в форме определенных концепций в рамках научных дисциплин. Этот тезис получает наглядное подтверждение на примере того, что названо метатеоретической функцией философии

социальных наук. Выше были рассмотрены социологические концепции, решающие метатеоретические задачи применительно к теоретико-социологическому знанию. Эти задачи решаются на столь высоком уровне анализа и обладают столь высоким потенциалом применимости ко всему социально-научному дисциплинарному комплексу, что у нас есть все основания квалифицировать указанные концепции как относящиеся к философии социальных наук.

Философия социальных наук, анализу современного состояния которой посвящена работа, — область философских исследований отношений между философией и социально-научным познанием. Философия социальных наук в ее современном состоянии связана прежде всего с онтологической проблематикой, с проблематикой социальной агентности, индивидуальной и коллективной, с разработкой адекватного метода постижения социальной реальности, с вопросами философского анализа и обоснования социально-научных теорий как результата исследовательской практики социальных наук.

При разработке социально-онтологической проблематики и в генетической, и в структурной перспективе основной упор делается, как показывает анализ, на созидательном потенциале человека. В связи с этим резюмируем в общих чертах то понимание социального агента, которое очевидно преобладает в современной философской литературе. Социальный агент — это телесно-эмоциональный и рефлектирующий индивид, действующий в исторически и социально-конкретных, ограниченных и даже случайных жизненных и социальных условиях. Несмотря на потенциально свободно осуществляемую им организацию происходящего, он остается обусловленным происходящим. Человек способен созидать общество и историю, способен постоянно продуцировать новые формы своего существования. Эти же формы оказывают обратное формирующее воздействие на человека. Место и время исторического существования и действия определяет, каков тот или иной индивидуальный человек.

При обращении к методологической функции философии социальных наук объектом рассмотрения стали предельно общие проблемы, образующие своего рода теоретико-методологический каркас социально-научного познания. Вне сферы внимания остались методы конкретных эмпирических исследований, техник наблюдения и измерения, способы тестирования и т.п. Значительное разнообразие таких методов определяется, как известно, не только разнообразием исследуемых объектов, но и приверженностью различным теоретическим парадигмам и традициям. А такие парадигмы и традиции в той или иной форме присутствуют в конкретных исследованиях, даже если заявляется об их отсутствии или об от-

казе от них. Таким образом, общие методологические проблемы имеют отношение не только к теоретическому в узком смысле, но и к конкретно-эмпирическому, социально-научному познанию, по меньшей мере в опосредованной форме.

Философия социальных наук в ее метатеоретической функции предстает в виде метатеоретического анализа исследовательских результатов и теорий в различных социально-научных дисциплинах. Более того, она способна взять на себя функцию компаративистского междисциплинарного анализа таких результатов и теорий. При подобном видении философии социальных наук она выступает фактически как некое сведение воедино, как синтез того, что предпринимается в плане метатеоретической рефлексии в рамках самих социальных наук.

Традиционно в философии социальных наук значительную роль играли вопросы ценностной и мировоззренческой ориентации исследователя и соответствующего содержания в теоретической продукции. В настоящее время внимание к ценностно-мировоззренческой проблематике заметно снизилось. Связано это прежде всего с ослаблением роли и значения социальной критики в социально-научном познании. Разумеется, эта проблематика не исчезает полностью. Нейтрализуется ее острота, и она вытесняется на периферию метатеоретической и методологической проблематики социально-научного познания. Это обстоятельство следует считать весьма важной характеристикой современной философии социальных наук.

В целом философия социальных наук остается актуальной областью философских исследований, востребованной как средство осмысления практики и результатов социально-научного познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006. (*Kimelev Ju.A.* “Subjekt” i “subjektivnost” v sovremennoj zapadnoj social’noj filosofii. M., 2006.)

Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI вв. М., 2007. (*Kimelev Ju.A.* Zapadnaja filosofskaja antropologija na rubezhe XX–XXI vv. M., 2007.)

Кимелев Ю.А. Западная философия истории на рубеже XX–XXI веков. М., 2009. (*Kimelev Ju.A.* Zapadnaja filosofija istorii na rubezhe XX–XXI vekov. M., 2009.)

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук: современные дискуссии. М., 2011. (*Kimelev Ju.A.* Metodologija social’nyh nauk: sovremennye diskussii. M., 2011.)

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996. (*Kimelev Ju.A., Polja-*

kova N.L. Sociologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i post-moderna. M., 1996.)

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. (*Poljakova N.L.* XX vek v sociologicheskikh teorijah obshchestva. M., 2004.)

Полякова Н.Л. Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. “Спор о позитивизме” // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 4. С. 24–52. (*Poljakova N.L.* Metodologicheskaja samorefleksija sociologii v konce 60-h — nachale 70-h gg. XX v. “Spor o pozitivizme” // Vestn. Mosk. un-ta. 2012. N 4. S. 24–52.)

Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от “социологической ортодоксии” // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 4. С. 76–93. (*Poljakova N.L.* Metodologicheskie osnovanija postroenija teorii obshchestva v sociologii kontsa XX — nachala XXI v.: othod ot “sociologicheskoi ortodoksii” // Vestn. Mosk. un-ta. 2011. N 4. S. 76–93.)

Abrams Ph. Historical sociology. Ilhaca; N.Y., 1993.

Acham K. Philosophie der Sozialwissenschaften. Freiburg; München, 1983.

Alexander J.C. Sociological theory since 1945. L., 1987.

Balog A. Neue Entwicklungen in der soziologischen Theorie. Stuttgart, 2001.

Braybrooke D. Philosophy of social science. Englewood Cliffs, 1991.

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungs-rationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Mein, 1997.

Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. Bd 2: Zur Kritik der funktionalischen Vernunft. Frankfurt am Mein, 1997.

Hollis M. The philosophy of the social sciences. Cambridge, 1994.

Hollis M. Philosophy of social science // The Blackwell companion to philosophy / Ed. by N. Bunnin, E.P. Tsui-James. Oxford, 2003. P. 375–402.

Johansson I. Ontological investigations. L.; N.Y., 1989.

Mann M. Societies as organized power networks. Vol. 1: A history of power from the beginning to A.D. 1760. Cambridge, 1986.

Skocpol Th. Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology // Vision and method in historical sociology / Ed. by Th. Skocpol. N.Y., 1991. P. 356–391.

Searle J.R. Mind, language and society. L., 1999.

Searle J.R. Making the social world. N.Y., 2010.

Sibilia P. El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologias digitales. Buenos Aires, 2005.

Smith D. The rise of historical sociology. Philadelphia, 1991.

Touraine A. Critique de la modernité. P., 1998.